

Интеркультурная вариативность научного текста: к постановке проблемы

ВАЛЕРИЯ Е. ЧЕРНЯВСКАЯ
(Санкт-Петербург)

На современном этапе развития языковедческой науки текст как одна из основополагающих лингвистических категорий снова находится в центре научных дискуссий. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что текст предстает сегодня как категория, ускользающая от окончательных, раз и навсегда данных дефиниций. Особенно это отчетливо проявилось с перемещением исследовательских акцентов к еще одному уровню в лингвистической иерархии – дискурсу. Противопоставление статичности и динамичности, процессуальности и результативности человеческой коммуникации и речи, т.е. текста и дискурса является одним из новых направлений когнитивно ориентированной лингвистики. Меняющиеся взгляды лингвистов на характер коммуникативных процессов влекут за собой изменение позиций и относительно самой сущности «текстуальности» (англ. *texture*, нем. *Textualität*, *Textlichkeit*), т.е. тех признаков и/или факторов, которые делают текст текстом, и, значит, обеспечивают текстопорождение и текстовосприятие. Если первоначально текстуальность определялась исходя из внутритекстовых критериев – текстограмматических и семантических, то в последующем значительную роль стал играть учет экстралингвистических критериев – их еще называют вне- или надтекстовыми, тем самым подчеркивая, что текст является только одним из элементов в системе коммуникативно-речевых действий. Акцентированное признание этого факта

всегда отличало отечественную школу функциональной стилистики при определении понятия речевой системности. Авторитетная в стране Пермская школа лингвистического анализа и ее основоположник М.Н. Кожина многие годы создавали и развивали учение о взаимосвязи экстралингвистической основы текста и его языкового оформления. Само качество целостности, цельности текста в концепции М.Н.Кожиной получает реальное наполнение и осмысление через неразрывную связь с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном. Данные языковой системы, т.е. интралингвистический аспект, недостаточны для раскрытия специфики целого текста. Идеи профессора М.Н. Кожиной, продолжаемые ее учениками в Пермской научной школе, составляют фундамент современного изучения речевой деятельности человека и ее различных стилевых /типологических разновидностей.

Итак, в лингвистической теории сформировались представления о фундаментальных, первичных свойствах текста, которые связываются с утверждением текстового статуса вообще. В качестве таких свойств в зарубежной лингвистике во всех авторитетных изданиях, в т.ч. справочного и учебного характера, называют когезию, когерентность, информативность, интенциональность, ситуативную адекватность, адресованность, (типологическую) интертекстуальность. В отечественной науке, главным образом, в психолингвистике, этот перечень несколько отличается – скорее терминологически, чем по существу. Так, выделяются такие свойства текстуальности как связность, целостность, завершенность, информативность, членимость, развернутость и некоторые др. Когнитивный подход к тексту делает этот перечень открытым для дополнительных характеристик/критериев текстуальности, учитывающих процессуальность и социокультурную обусловленность этого феномена. Так, к перечисленным критериям текстуальности следует добавлять еще один, а именно, культурную маркированность текста. В русле именно такого подхода ведутся многие современные разработки в типологии текста. Например, в новейшей, изданной в Германии *Энциклопедии немецкого языка* культурологическая специфика текста (*Kulturalität*) называется наряду с традиционно выделяемыми текстообразующими характеристиками (Ср.: *Kleine Enzyklopedie. Deutsche Sprache* 2001:477). Это означает признание того факта, что *языковая специфика текстов* (т.е. определенных разновидностей – типов, жанров текста) есть одновременно культурно-

значимая специфика. Участники коммуникации наряду с фоновым энциклопедическим, языковым, нормативным (тексто-типологическим) знанием обладают и культурологическим знанием: конвенциональные социокультурные значения отражаются в ментальности субъектов речи и проявляются при формулировании текста в выборе (предпочтении) тех и не иных языковых единиц.

Культурная маркированность может и должна рассматриваться как необходимое условие текстуальности. Этот аспект должен рассматриваться как многомерный, с точки зрения:

- культурологии, т.е. тех социокультурных особенностей, которые лежат в основании речевых/текстовых различий;
- психолингвистики, изучающей процесс построения и восприятия текста;
- в дидактическом аспекте, учитывающем влияние национально-культурной самобытности в учебном процессе и практике перевода.

Мы связываем здесь наш анализ культурнообусловленной специфики текстов с научной коммуникацией. В какой степени научный текст может быть культурно вариативен? Не является ли научный текст по сути «надкультурным» феноменом, обусловленным имманентными законами человеческого познания, а не внешними по отношению к науке факторами? Не ограничивает ли сам характер научного знания, вербализуемого в тексте, проявление национально-психологических, социальных характеристик? – вот те вопросы, которые встают при обращении к обозначенной в заголовке статьи проблеме. Попробуем прояснить нашу точку зрения, основываясь на анализе немецких академических (научно-теоретических) текстов.

Итак, научная коммуникация имеет в качестве своей универсальной цели отражение с помощью текстов коллективных процессов человеческого познания. Именно в оппозиции «коллективное, надличностное» и «индивидуальное» проявляется собственно отличие научного стиля от иных сфер деятельности человека. И такие стилевые доминанты научной речи как объективность, обобщенность, подчеркнутая логичность, доказательность, диалогичность и др. не нейтрализуются даже при наличии ярко выраженной речевой индивидуальности отдельного ученого. Правила «речевого стандарта», «типového речевого поведения» становятся здесь по сути текстообразующими. При этом

культурологический ракурс в исследовании текстуальности открывает новые перспективы в осмыслении вопроса о возможной интеркультурной вариативности самого «речевого стандарта».

Могут ли когнитивные стили – стили мышления – быть национально специфичны? И если да, то в какой степени они влияют (могут влиять) на отбор стандартизированных, регулярно повторяющихся в типичных коммуникативных условиях языковых единиц и текстовых структур при передаче научного знания? Насколько явно культурная маркированность проявляет себя в процессах речевого формулирования в научной коммуникации?

Исследования в области социологии, психологии, психолингвистики подтверждают, что существует представление – в известной степени стереотипизированное – о различных интеллектуальных стилях. Так называемый германский, или по-другому «тевтонский» (*Teutonic*) стиль мышления (академический стиль) противопоставляется т.н. «саксонскому» (*Saxonic*), англо-американскому интеллектуальному стилю. Наряду с ними говорится и об особом «французском» (*Gallic*) и «японском» (*Nipponic*) стилях мышления (Ср.: Galtung, 1985).

Отличительной чертой «германской» научной традиции считается при этом подчеркнутая *теоретичность изложения*, при которой эмпирические данные не приводятся без отрыва от целой теории. Теоретизированность немецкого научного текста влечет за собой минимальную включенность эмпирических/фактических данных в структуру рассуждений непосредственно в текстовой ткани. Следствием этого является, по мнению некоторых, известная элитарность немецких академических трудов: тексты немецкоязычных ученых традиционно признаются трудными для чтения. Они считаются в значительной степени монологичными, т.е. адресантноцентричными. Известное высказывание на этот счет: *Not the German professor speaks, but scholarship through him* («Это говорит не немецкий профессор, но наука его устами») очень показательно отражает существующее мнение об идеализации знания как целостной системы в немецкой академической традиции. «Целостная» означает здесь непрямую связь сообщаемой научной информации с ее теоретическими источниками, с широким вокруг проблемным фоном, в генезисе идей от уже известного к «здесь и сейчас» сообщаемому.

Англо-саксонский научный стиль, напротив, характеризуется как подчеркнуто диалогичный, приближающийся к научно-популярному стилю – «толерантный к адресату». Это следует понимать так, что немецкий научный текст – написанный по-немецки немецким ученым – имеет в качестве прагматической доминанты установку на сообщение знания. При этом ответственность за понимание текста неравномерно распределяется между автором и читателем. Для немецкого ученого – автора текста не стоит задача сделать его понятным, но это ответственность читателя – понять текст. И, напротив, научные тексты, написанные по-английски англо-американским автором, считаются легкими для чтения потому, что сконцентрированы не на содержании (глубинный уровень текста), но на способе, форме его внешнего представления читателю. «В саксонском стиле главное взаимодействие (co-operation) между автором и его адресатом» (Ср.: Clupe 1987:238). С точки зрения немецких ученых, подобная популяризация изложения в англоязычных публикациях воспринимается как недостаток, нарушение нормы академического стиля, что не способствует ни карьерному росту ученого, ни его авторитету среди коллег. И оценка научного текста как «легко читаемого» (*very easy to follow*), выглядящая положительной в англо-американской традиции, является негативной и даже оскорбительной в немецких академических кругах (по: Clupe 1991:64). Таковы стереотипные представления, которые отражают существующее мнение в среде как лингвистов, так и нелингвистов, базирующееся в том числе на результатах социологических, журналистских опросов.

В контексте этих представлений мы выдвигаем гипотезу о том, что культурно-языковая принадлежность научного текста может оказывать влияние на его организацию поверхностного уровня, выраженность в ней определенных текстовых компонентов, выступающих в качестве формы для вербализации когнитивных процессов. При этом в качестве исходной посылки наших рассуждений мы принимаем следующий факт.

Композиционная организация академического научного текста характеризуется в целом однотипностью. Она фиксирует ментальные фазы развития нового знания от проблемы/проблемной ситуации и гипотезы через систему доказательств к выводу/закону. Это и делает научный текст носителем научного знания. В поверхностной структуре это отражается типичными текстовыми единицами: *композиционными*

блоками, по Е.М. Крижановской (Крижановская 1996) или *композиционно-прагматическими сегментами*, в нашей собственной терминологии (Чернявская 2004). Такие стандартизированные блоки/сегменты как характеристика темы исследования; история вопроса; постановка целей, задач исследования; постановка проблемы; выдвижение гипотезы; доказательство/описание эксперимента; выводы/научный прогноз образуют в своем взаимодействии инвариант композиционной структурированности текстового содержания – инвариант, допускающий и предполагающий вариативность предъявления текстовых единиц. Варьирование в составе и в порядке исследования композиционных частей в конкретном произведении обусловлено наряду с фактором формирования знания (как сильнодействующей основы!) коммуникативно-прагматическими установками автора, и, как мы предполагаем, в определенной степени, культурно-языковой спецификой текста.

Межкультурная вариативность на уровне композиционной организации немецких научных текстов проявляет себя, с нашей точки зрения, в особого рода содержательно-тематической асимметричности отдельных текстовых частей по отношению друг к другу. Так, композиционно-смысловые единицы «характеристика предмета исследования», «история вопроса», «постановка целей и задач исследования», связанные с актуализацией старого, известного знания занимают в рамках текстового целого больший объем по сравнению с теми текстовыми отрезками, которые вербализуют собственно новое авторское знание. Новое вводится в очень широком контексте предшествующего знания. Здесь уместно снова вспомнить об «эффекте айсберга», характеризующем заключенное в научном тексте знание: его основной теоретический фундамент «лингвистически скрыт» за главными обобщениями, вербализуется только «верхушка» того массива предшествующего знания, которое легло в основу его очередного нового фрагмента. Так вот, воспользовавшись этой метафорой, можно сказать, что немецкий научный текст стремится приподнять видимую часть «айсберга знаний» гораздо выше, чем это типично для иных когнитивных стилей.

Подчеркнем здесь еще раз необязательное совпадение один к одному смысловой структуры научного текста, отражающей мыслительные фазы, со структурой поверхностного уровня. В текстовой ткани может

иметь место значительная компрессия содержания, и та или иная мыслительная фаза может отражаться даже в отдельном предложении, не обособляясь в границах отдельных разделов. Для сравнения, в русскоязычных академических публикациях, по данным Е.А.Баженовой (1996:201), содержательные блоки/сегменты, характеризующие вводное «старое» знание, часто предьявляются свернуто, сливаясь друг с другом без четкого разграничения на уровне архитектоники текста (т.е. располагаются в границах одного и того же абзаца, раздела, параграфа и т.п.). В научных публикациях немецких авторов, напротив, прослеживается тенденция к их разветвленному, развернутому, детализированному представлению в текстовой ткани.

Особенно отчетливо своеобразие немецких текстов предстает при сопоставлении архитектурного членения текста на абзацы или иные разделы в разных академических традициях. Так, для текстов немецких ученых, и статей и, тем более, монографий, типично дробное детализированное членение на многие подразделы с заголовками. Приведем типичные примеры оглавления немецких научных статей:

1. Fragestellung
2. Theoretische Diskussion... und bisherige Befunde
- 2.1. Zusammenschau und Hypothesen
3. Deskriptive Rahmenbedingungen
4. Methoden: ein neues Analysemodell
5. Ergebnisse
6. Zusammenfassung und Ausblick

1. Einleitung
2. Problemstellung
3. Die Methode der Distraktorabhängigkeit
4. Das 1. Experiment
5. Das 2. Experiment
- 5.1. Spezielle Methodik
- 5.2. Hypothesen
- 5.3. Ergebnisse
- 5.4. Interpretation
6. Zusammenfassende Diskussion

Как явствует из этих оглавлений, тематическое развертывание текстов статей, выраженное в их членении на подразделы, точно соответствует мыслительному процессу. В них четко прослеживаются

такие композиционные части, как «постановка проблемы» (*Fragestellung, Problemstellung*), «история вопроса» (*Theoretische Diskussion und bisherige Befunde*); «введение гипотезы» и «доказательство» (*Hypothesen, ein neues Analysemodell, Methoden*), «описание эксперимента» (*das Experiment*), «описание результатов исследования» (*Ergebnisse, Interpretation*), «выводы» (*Zusammenfassung*) и прогноз (*Ausblick*). Таким образом, формальное членение (архитектоника) текста очень близко повторяет смысловую структуру, отражает развернуто последовательность этапов мыслительного процесса на текстовой плоскости. Подобное членение можно считать идеальным примером того, как ментальные фазы научного познания вербализуются в научном тексте, и далеко не всегда прослеживается в практике текстопроизводства. Для публикаций на английском языке англо-американских авторов типичным является менее дробное объемно-прагматическое членение, не повторяющее этапы формирования знания, типа:

- A. 1. Overview;
2. Methods;
3. Results;
4. Discussion;
5. Conclusions.

- B. 1. Introduction;
2. Preliminary Discussion;
3. Methodological issues;
4. Conclusions.

Возвращение к уже известному как фундаменту нового знания очень характерно для немецких научных публикаций на этапе доказательства. Интертекстуальные отсылки к чужим текстам широко и интенсивно включаются в систему аргументов, вводятся часто как исходный тезис на многих промежуточных витках рассуждений. На этапе доказательства истинность какой-либо точки зрения может подтверждаться не собственными наблюдениями автора, эмпирическими данными, но через ссылки на заключения других ученых в системе сравнения, противопоставления и пояснения альтернативных взглядов. Таким образом складывается многоярусная (!) иерархия интертекстуальных отношений – то, что с позиций англо-американских авторов и читателей

выглядит как «отклонение от темы» (digressiveness), противопоставляемое линейному развертыванию темы.

Подобные расхождения в научном дискурсе объяснимы с очевидностью различиями в системе национально-культурных ценностей и конвенциональных представлений. Такие черты как подчеркнутая точность изложения, педантичность, добросовестность при выражении научной преемственности – то, что принято считать основательностью и аккуратностью, обуславливают в немецком научном стиле большее внимание к содержанию знания как таковому. Эти черты являются отражением национально-маркированного стиля мышления учёного.

Ещё одним проявлением возможной культурной обусловленности текстов в научной коммуникации, находящимся в контексте наших рассуждений, считаем тенденцию немецкой научной речи к некатегоричной модальности при представлении итоговых суждений. Наш анализ научно-теоретических текстов в области гуманитарных наук свидетельствует, что при представлении вывода немецкий научный текст не имеет такой модальной доминанты как «категоричность суждений». Несмотря на особую отточенность – окончательность – формулировок при изложении итоговых суждений, они связаны преимущественно с семантикой эпистемической возможности, допустимости, целесообразности, но не категоричного долженствования, обязательности. В языковом отношении это выражается через использование модальных глаголов *kann, darf/könnte, dürfte* в сочетании с активным и пассивным инфинитивом, безличного пассива; конструкций с глаголом *sich lassen*, не имеющих точного эквивалента при переводе на другой язык, в том числе и английский, и выражающих семантику допущения, возможности чего-либо, потенциальной продолжаемости поиска; через модально-оценочные наречия *vermutlich, wahrscheinlich, möglicherweise* и т.п.; единицы с семантикой «открытого конца». Например: *Es lässt sich unschwer voraussagen, dass derartige Überlegungen zu heftigen Diskussionen führen werden... Dabei wird man bestrebt sein müssen, die Problematik... in den verschiedenen Dimensionen auszuloten. // Hier könnte noch eine weitere Analyse der [...] durchgeführt werden. // Man wird immer wieder auf offene Fragen stossen // Das ist die noch zu leistende Theorie* и т.п.

Заметим, что некатегоричность научного изложения вообще и итоговых суждений, в частности, выражаемая в модальном плане высказываний, является в целом стилевой чертой научной речи. Она сог-

ласуется с нормативно-стилистической традицией научного общения, его проспективной обращённостью к будущим разработкам. О некатегоричности суждений уже на гипотетическом этапе мышления (см. Бедрина 1993). Вместе с этим мы говорим о некатегоричности итоговых суждений в немецком научном дискурсе как о прагматически сфокусированной, направленной на усиление степени объективизированности изложения, уменьшение его субъективной привязанности к мнению только одного субъекта познания и речи.

В этой связи показательны здесь также сравнительные исследования текстов, созданных представителями немецкой и английской языковой ментальности, написанные на английском языке как языке международного общения. Эти исследования представляют особый интерес потому, что выводы базируются не только на лингвистическом анализе публикаций, написанных на родном языке носителей английского/немецкого языка, но и на анализе текстов немцев, пишущих по-английски. Мы имеем в виду выводы М. Клайна, кстати исследователя немецкого происхождения, работающего за пределами Германии и публикующегося на английском языке. Так, по его наблюдениям, тексты, написанные по-немецки, представляются несимметричными по сравнению с аналогичными публикациями англоязычных авторов по тем же проблемам и в тех же областях знания. Это значит, что текстовые сегменты, представляющие старое знание, выглядят при сравнении с такими же в английских текстах как непропорционально длинные и пространные.

С точки зрения модального плана высказываний тексты немцев, написанные по-английски, обнаруживают такую же тенденцию к употреблению модальных ограничителей абсолютного/категоричного характера утверждений. А именно, содержат в 2 и даже 3 раза больше конструкций с безличным пассивом, неопределённо-личными, безличными местоимениями и т.п., чем аналогичные публикации учёных «англо-саксонской ментальности». Выбор немцами модальных глаголов в английском языке подчинён их немецким ментально и культурно обусловленным образцам. Это значит, что масса конструкций с *can, could* (соответствует *kann, könnte*), *might (dürfte), (will) have to, may be* (соответствует *muss, muss sein*) явно преобладает в текстах, написанных по-английски немцами, при сравнении с английскими публикациями англичан/американцев (по: Clyne 1991:63).

М. Клайн приводит примечательные результаты своего опроса ряда немецких учёных, регулярно публикующихся и на родном немецком, и на английском языке. Так, некоторые специалисты в области естественных и точных наук прямо заявили о неприемлемости их «немецких норм» для английского стиля научных публикаций. Гуманитарии, специалисты в области лингвистики и социальных наук ощущали себя в «тисках двух мировидений» (*«caught between two worlds»*) и заявляли, что их «немецкий стиль богаче, сложнее нежели английский, который представляется им более тривиальным». Некоторые опрашиваемые учёные признавались, что «были непоняты английскими коллегами в том смысле, что многие важные и потому пространно описанные идеи оценивались английскими читателями как нерелевантные» (по: Clyne 1991: 64).

О влиянии норм родной культуры и языковой ментальности при академическом общении на иностранном языке пишет также Г.В. Елизарова, специалист в области речевого взаимодействия представителей различных культур. Подчеркивается, что конвенциональные представления, принятые в рамках одной культуры, могут становится фактором, тормозящим адекватное восприятие письменной научной речи в иной культуре (Елизарова 2004).

Подводя итог, вернемся к поставленным в начале рассуждений вопросам о степени выраженности в научном тексте социокультурной специфики и релевантности самоготекстообразующего признака «культурная маркированность» в текстах научной коммуникации. С позиций когнитивно ориентированного подхода представляется правильным рассматривать набор тех или других признаков текстуальности не как статичную, неизменчивую данность, самодостаточную сущность, но, точнее, как прототипический феномен, поставленный в связь с когнитивной способностью человека к текстопорождению и – восприятию. Понятие текстуальности в когнитивном ракурсе предстает как узел инвариантных признаков, характеризующих процесс текстопорождения и реализующихся с той или иной полнотой в различных языковых и социальных практиках. Разные текстовые типы/жанры по разному актуализируют прототипические признаки текстовой сущности, редуцируют одни и акцентируют другие. Например, такой базовый текстовый признак как когезия, т.е. формальная связность языковых элементов на

поверхностном уровне, не наблюдаем в текстах, равных слову (в т.н. текстословах), следовательно, здесь это – признак с низкой валидностью.

Культурная маркированность текста также рассматривается нами как прототипический признак текстуальности, имеющий высокую или низкую валидность. Тексты, отражающие интеллектуальные (духовные) сферы общественной деятельности, имеют преимущественно культурно-универсальный характер и содержат минимальное количество национально-специфических черт, вторгающихся в саму модель текстообразования. К числу подобных текстов относятся молитва, загадка, притча, пародия и др., в т.ч. и научный текст, монография, статья. Научный текст безотносительно к его языковой принадлежности отражает универсальные черты в модели текстопостроения, что делает его носителем научного знания в онтологическом, гносеологическом, методологическом смысле и обеспечивает научную преемственность и поступательность в общечеловеческой коммуникации. В процессах формулирования текста как смысловой и речевой структуры отбор и предпочтение языковых элементов и форм, именно тех и не иных, регулируется, среди прочего, социокультурными установками автора. Это становится видимым в отдельных формальных различиях «модуса формулирования» текста на немецком, английском, русском etc. языке. Разумеется, культурная маркированность научного текста выражена минимально по сравнению с текстами материальной, производственно-бытовой сферы человеческой деятельности (объявление о продаже, конкурсное заявление, характеристика, рекомендация, уведомление о неуплате долга, соболезнование и т.п.). Это – тексты со значительной выраженностью именно специфических, неуниверсальных национально-культурных и, значит, языковых черт (см. анализ: Чернявская 2005). Дальнейшее углубленное изучение этой проблемы будет целесообразно и для осмысления сущности самого понятия «текст» и «текстуальность» и для продолжения разработок национально-культурной картины мира.

Литература

- Баженова Е.А., 1996, *Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции*. – *Стилистика научного текста (общие параметры)*, т. 2, ч.1., Изд-во Пермского университета.
- Бедрина И.С., 1993, *Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности (на материале английских научных текстов): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук, Пермь.*
- Елизарова Г.В., 2004, *О необходимости учета влияния родной культуры индивида на его письменный дискурс на иностранном языке*. – *Текст – Дискурс – Стиль*, СПб.
- Котюрова М.П., 1997, *Точность речи в аспекте индивидуального стиля мышления ученого*, “Stylistyka” VI.
- Крижановская Е.М., 1996, *Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста*. – *Стилистика научного текста (общие параметры)*. Том 2, ч.1., Изд-во Пермского университета.
- Чернявская В.Е., 2004, *Интерпретация научного текста*, СПб., «Наука».
- Чернявская В.Е., 2005, *Тип текста в социокультурной перспективе*. – *Жанр и концепт*, Саратов.
- Clyne M., 1987, *Cultural differences in the organization of academic texts*, „Journal of pragmatics”, 11.
- Clyne M., 1991, *The sociocultural dimension: the dilemma of the german-speaking scholar*. – *Subject-oriented texts*, ed. H. Schröder.
- Clyne M., 1993, *Pragmatik, Textstruktur und kulturelle Werte*. – *Fachtextpragmatik*, hg. H. Schröder, Tübingen.
- Galtung J., 1985, *Struktur, Kultur und intellektueller Stil*. – *Das Fremde und das Eigene*, hg. A. Wierlacher, Munich.
- Hinds J., 1983, *Contrastive studies of English and Japanese*, „Annual Review of Applied Linguistics”.
- Kaplan R.R., 1972, *Cultural thought patterns in inter-cultural education*. – K.Croft, ed., *Readings on English as a second language*, Cambridge.
- Kleine Enzyklopedie. Deutsche Sprache*, Peter Lang, F/M, 2001.

Intertextual Variativity of Scientific Text

In her article Valeria E. Chernyavskaya sets the following questions: Can the cognitive styles have national specificity? If the answer is positive, to what extent do they influence the selection of standardized, regularly repeating in the typical communicative conditions lexical units and text structures by passing scientific knowledge? How markedly does the

cultural specificity reveal itself in the processes of utterance formation in scientific communication?

The cultural specificity of a text is treated by the author as a prototypical feature of texture, characterized by high or low validity.

The texts reflecting the intellectual (spiritual) life of the society would normally be culturally universal and contain minimum of specific national features intruding into their text-formation model. To this type the author ascribes, on the one hand, such text kinds as prayer, parable, parody, and, on the other hand, scientific texts, monographs, articles. The scientific text irrespective of the language it has been written in reflects the universals of the text-formation model, which makes it the vehicle of scientific knowledge in its ontological, gnoseological, methodological sense and contributes to the scientific thought continuity and progress. In the process of text formation in its contents and language aspects the selection of specific language elements and forms depends greatly on the author's social and cultural purposes. This visualizes itself in the discrete formal differences between the text "formation moduses" in German, English, Russian, etc. languages.

Still, scientific texts are naturally most unmarked in terms of cultural specificity against the texts reflecting the material, industrial and everyday activities, such as sale advertisements, competitive applications, references, characters, notices on failure to pay debt, condolences, etc. These texts are characterized by linguistic prominence of the specific, non-universal national and cultural markers.

Keywords: *texture, texture criteria, cultural specificity, scientific text.*

[E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru]